

К Р О К О Д И Л

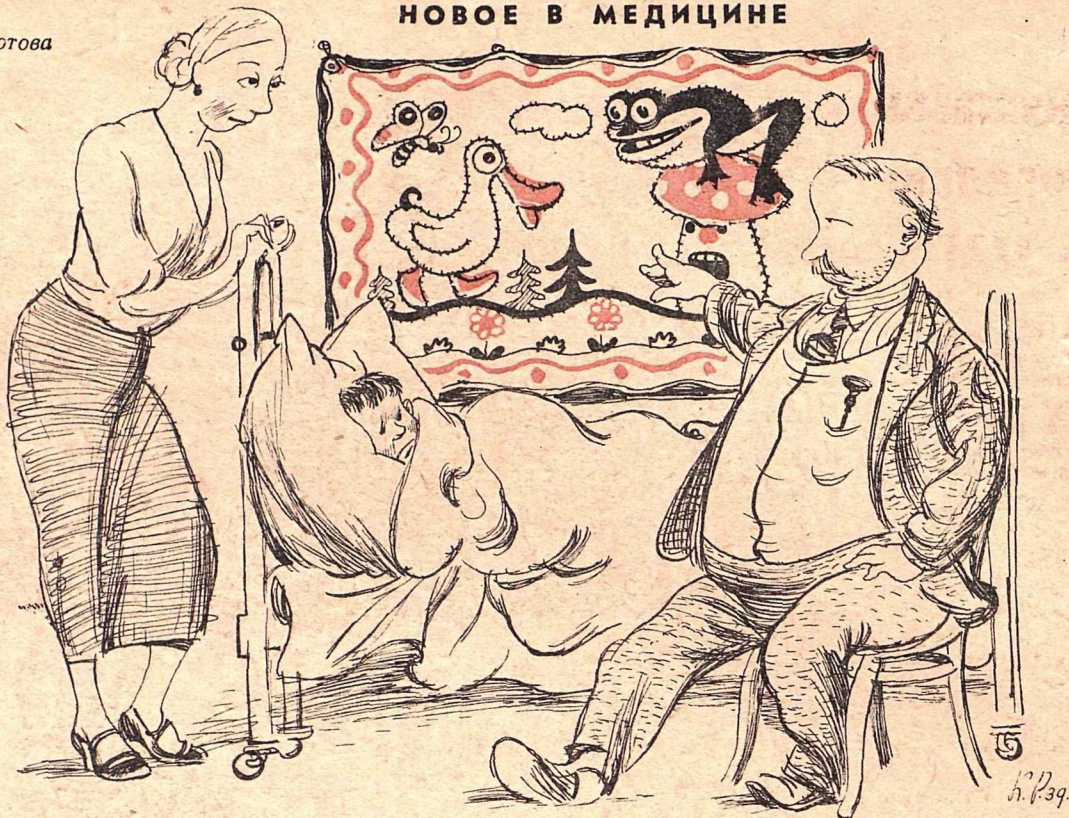
К 556 / 39г.

ЮГ
39

Опасная игра.

Рис. Ю. Ганфа

— Доктор, что делать? Ребенок совершенно не спит.
А вы снимите этот коврик — и ребенок моментально успокоится.

Беспокойная пора

НЕ БУДЕМ спорить: лето настало. Сомневающимся просим обратиться к календарю: там черным по белому сказано, что наступило теплое время года, в просторечии именуемое летом.

О лето, лето, кто тебя выдумал? Зимой вольготней живется. В ноябре или декабре благоустройство города передается в надежные руки дедушки Мороза. Нет тебе на улицах ни луж, ни колдобин, ни ухабов. Все безобразия скованы льдом, всякое городское головотяпство прикрыто белоснежным ковром. А летом одна канитель. Летом всякие деревья растут и зеленеют. Летом растут всевозможные запросы. И обязательно удовлетворяй все эти запросы на открытых площадках и на вольном воздухе.

Повыдумали разные слова: «отдых трудящихся», «парки культуры и отдыха», «спортивные площадки», «водные станции», — а кому за все эти нежные слова отвечать? С кого требуют? Как только что, подымается устный и письменный крик: «Виноваты руководители городских и районных советов».

Кричать-то легко, а каково на деле управлять со всей этой летней канителью?

Вот, например, Фрунзенский райсовет Москвы, идя навстречу нуждам трудящихся, постановил воздвигнуть в своем районе шикарную общественную уборную.

Но неблагодарные трудящиеся не проявили чуткости к душевному порыву руководителей райсовета.

Наоборот, все громче раздаются голоса возмущения:

— Это — головотяпство! Взяли замечательный сад имени Мандельштама и изуродовали. В самом лучшем уголке сада, где были чудесные газоны и клумбы, где благоухали сирень и резеда, начали строить общедоступный ватер-клозет.

Никак не угодишь. На капризы населения жалуются и Куйбышевский райсовет Москвы.

Чистопрудный бульвар, как известно, называется детским парком Куйбышевского района. Еще недавно здесь были лодки-качели, горки, павильоны. Теперь все это разрушено и уничтожено.

Так представьте себе: население района требует, чтоб и лодки-качели и павильоны опять начали функционировать.

Райсовет пошел навстречу запросам. Правда, лодок-качелей и прочих пустяков до сих пор нет и не предвидится. Но зато в детском парке поставлен хорошо оформленный многокра-

сочный щит-реклама «Пейте московское пиво».

Обратите внимание, что этакое избалованное население водится не только в Москве, но и на периферии.

Взять, к примеру, Уфу. Там в детском парке построили к лету ресторан «с подачей спиртных напитков». Пока, мол, детишки будут забавляться в песочке или на качелях, родители или, скажем, престарелые бабушки и няни имеют возможность и выпить и закутить.

Не только детские сады и парки, но и парки для взрослых доставляют много хлопот местным руководящим органам.

В Ольховатке, под Харьковом, в прошлом году построили парк, посадили деревья, цветы. Но оказалось, что парк — малоприбыльное предприятие. Так что в этом году парк на скорую руку превращен в огород. Капусту посадили, репу, морковь, а жители — вот пойми человеческую душу! — протестуют.

Лето — беспокойная пора! Взять, к примеру, эстраду. На опыте прошлых сезонов можно было бы многое сказать о летних «вечерних мероприятиях».

Но вместо этого разрешите в заключение опубликовать отрывки из доставленного нам дневника одного периферийного инженера:

1928 год. Июнь.

Был в Москве, в Наркомате. Проект постройки канала одобрен. Вечером зашел в Колонный зал Дома Союзов на эстрадный концерт. Конферировал Игреков. Остроумный человек! Особенно мне запомнилась его острота насчет погоды. От души смеялся. Потом певица Зетова удачно спела саратовские страдания. Замечательно читал артист Иксин рассказ «Утро бюрократа». Вечер прошел с успехом.

1929 год. Июль.

Был в Москве с докладом. Темпы строительства канала одобрены. Вечером пошел в Эрмитаж, на эстрадный концерт. Конферировал Игреков. Остроумный человек! Особенно мне запомнилась его острота насчет погоды. Хотя я уже где-то слышал ее, но все же от души смеялся. Потом певица Зетова удачно спела саратовские страдания. Замечательно читал артист Иксин рассказ «Утро бюрократа». Вечер прошел с успехом.

1931 год. Август.

Был в Москве. Рапортовал об окончании строительства канала. Получил добавочные

ассигнования на надземные постройки. Вечером пошел на концерт в сад ЦДКА. Конферировал Игреков. Остроумный человек! Особенно мне запомнилась его острота насчет погоды. Потом певица Зетова удачно спела саратовские страдания (где я их слышал?). Замечательно, как всегда, читал артист Иксин рассказ «Утро бюрократа». Вечер прошел с успехом.

1932 год. Май.

Был в Москве. Согласовал в Наркомате вопрос о движении по каналу пассажирских и грузовых судов. Пригласили меня в летний сад на концерт. Конферировал Игреков. Остроумный человек! Особенно мне запомнилась его острота насчет погоды. Но я почему-то не смеялся... Потом певица Зетова удачно спела саратовские страдания. Странное дело, но почему-то я эти «страдания» знаю наизусть? Замечательно, как всегда, читал артист Иксин рассказ «Утро бюрократа». Вечер прошел с успехом.

1939 год. Июнь.

Был в Москве. Докладывал в Наркомате об окончании строительства металлургического завода на правом берегу канала. Вечером пошел в гости к Чижиковым. Поздно засиделся. После полуночи пришла его теща, симпатичная старушка лет семидесяти. Оказывается, она была в Аквариуме на концерте. Рассказывает, что конферировал Игреков. Остроумный человек! Старушка очень смеялась по поводу его остроты насчет погоды. Потом певица Зетова удачно спела саратовские страдания. С большой похвалой старушка отозвалась об артисте Иксине, который читал «Утро бюрократа».

— Люблю ходить на эти летние концерты, — добавила милая старушка. — Они мне напоминают о моей молодости. Еще когда я замуж выходила, я и Игрекова, и Зетову, и Иксина с большим интересом слушала в концертах. И, спасибо им, программа была та же... А у Иксина уже тогда была лысина...

* * *

На этом рукопись инженера обрывается, чего нельзя сказать о нашей рукописи: ей еще время обрваться. И редакция еще вернется к затронутым вопросам: к садам, паркам, спортивным площадкам, эстрадным концертам и прочим прохладительным напиткам.

Лето наступило!..

Г. РЫКЛИН

Маленькие рассказы с большой моралью

1. Культурная сила

У одного гражданина был очень непоседливый характер. По вечерам гражданин никак не мог усидеть дома. Так и тянуло его пошататься по улицам, зайти с приятелем в пивную или там еще куда-нибудь. Как ни старался, ничего не мог с собой сделать. И постепенно стал гражданин ухудшаться. И вообще медленно, но верно катился по наклонной плоскости. Ему самому это было неприятно, но не хватало силы остановиться.

И вдруг его осенило:

«Заведу у себя радиоточку, буду слушать по вечерам выдающиеся радиопередачи».

Сказано — сделано.

Точку обещали установить в течение шестидневки. Сидит гражданин дома шесть дней, ждет монтера. А монтера нет.

Опять пошел.

— Через три-четыре дня, — говорят, — обязательно будете с точкой.

Опять сидит дома, ждет монтера. А монтера нет.

Очень извинялись и обещали в ближайшие дни удовлетворить справедливую претензию гражданина.

А монтера все нет.

Прошло полгода, точки у гражданина все еще нет, но привык он по вечерам дома сидеть в ожидании монтера. И читать стал. По началу — от скуки, а потом заинтересовался. И соседи у него оказались подходящие. А одна соседка — из себя миловидная и даже на хорошей службе... Словом, покинул гражданин наклонную плоскость и больше на нее не возвращался.

МОРАЛЬ: культурная сила радио так велика, что даже отсутствие его благотворно влияет на граждан.

2. Из всего можно извлечь пользу

У одного гражданина прохудились подметки. Особой беды в этом нет, но починить ботинки все же надо. Пошел гражданин в мастерскую, заплатил что полагается, получил квитанцию и стал в свободное время заходить за своими ботинками.

Ходил, ходил, и однажды совершенно неожиданно оказалось, что ботинки готовы. На радостях гражданин полюбовался подметками снаружи, а заглянуть внутрь не догадался. Так и принес домой.

Только гражданин надел дома ботинки и прочно стал обеими ногами на пол, как у него вырвался громкий крик. Прибежала жена и стала выяснять обстоятельства дела.

Оказалось, что подметки прикреплены к ботинкам большими железными гвоздями. И было этих гвоздей не менее двух дюжин.

— Не надо волноваться, — сказала жена, — мне как раз нужны гвозди.

С помощью щипцов они вытащили гвозди из ботинок, а ботинки сдали в утиль. И все были очень довольны.

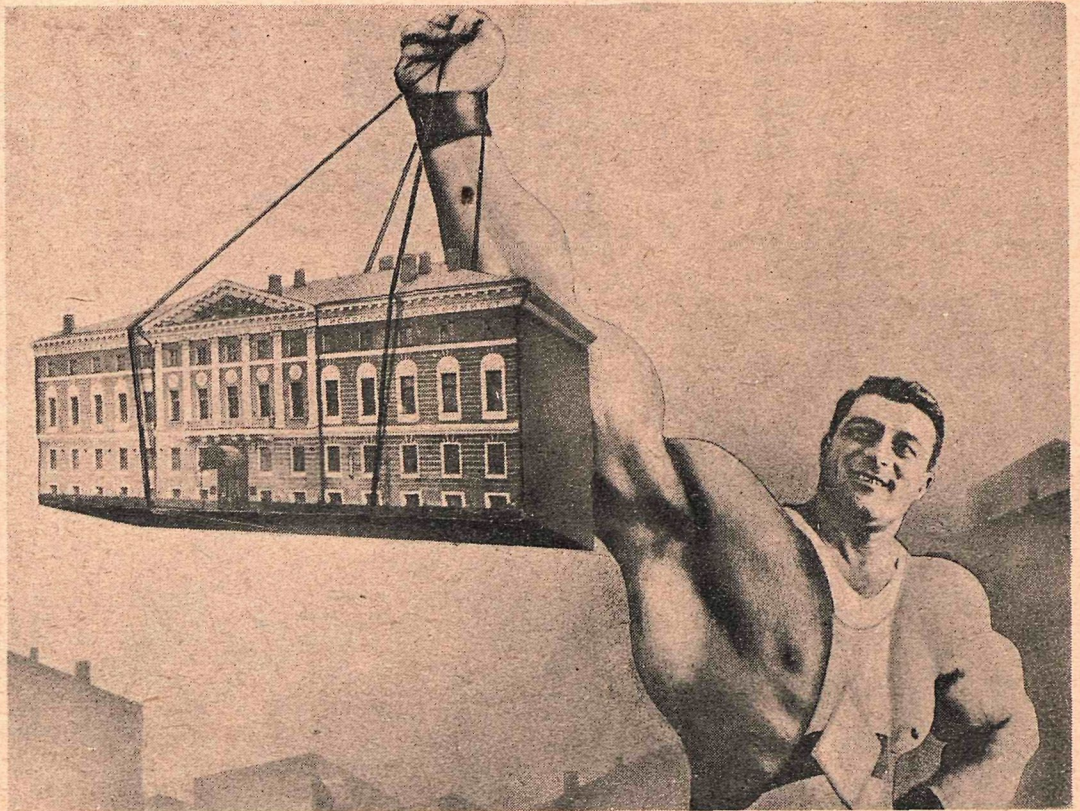
МОРАЛЬ: гвозди в хозяйстве всегда пригодятся.

МИХ. МАРТЫНОВ

ДЕРЗКИЙ РЕБЕНОК

Как сообщает «Литературная газета» (№ 26 за 10 мая 1939 года), на шевченковском пленуме правления Союза советских писателей выступила маленькая школьница Тамара Брусиловская, которая сказала:

— Мы очень просим всех писателей писать хорошие книги...

Дружеский шарж Б. Клинка

— Говорят, что тяжелоатлет Амбарцумян предлагает свои услуги по передвижке здания Моссовета.

Доска приказов

ПРИКАЗ

по совхозу «Красный»

1939 г. 9 апреля № 63

Гор. Симферополь.

§ 4

Едовой конпарка т. Мельник I/IV опоздал на работу на 40 минут. Произведенным расследованием подтверждается, что т. Мельник опоздал ввиду болезни соседки, которая стонала всю ночь и никому не дала уснуть.

Учитывая изложенное... т. Мельник на работе оставить и объявить ему строгий выговор с предупреждением.

Директор совхоза Бондаренко

ПРИКАЗ № 54

по управлению Камышинского стеклостроя от 27/II—39 г.

§ 1

За точное исполнение моего задания об отгрузке теса со станции Ночка агенту отдела снабжения Кузнецову И. И. выдать премию в размере 100 рублей.

§ 13

За самовольный выезд со станции Ночка Кузнецову И. И. агенту отдела снабжения объявляю выговор.

Директор завода Иванов

ПРИКАЗ

по Белоглазовскому районному отделу народного образования
Село Белоглазово, Алтайского края
от 28 февраля 1939 года

Строжайше запрещается приходить на работу в пьяном виде, а также приносить с собою спиртные напитки.

Сие действительно по 1 января 1940 года.

Зав. РайОНО Золотарев

ПРИКАЗ

по клубу соцгорода им. Серго Орджоникидзе от 22 февраля 1939 года
Несмотря на неоднократное мое постановление на отдаленность нашей семи прошу выдать мне авансом деньги в сумме сто руб. поэтому приказываю выдать мне сумму
Заведующий клубом Деманин

ПРИКАЗ № 48

по Азербайджанской Промышленной Академии имени С. М. Кирова
от 28 февраля 1939 года
Объявляется благодарность старшему лаборанту тов. Тер-Казарову Андрею Павловичу за сдачу норм «Будь готов к ПВХО» 1-й степени на «отлично».

Директор Академии Г. Кузнев

Рис. В. Горяева

- Придется исключить тебя из комсомола за связь с двоюродной бабушкой.
- Но я ее никогда в глаза не видала.
- Тогда мы обявим тебе выговор за нечуткое отношение к старушке.

История рода

(Неизданная рукопись, приписываемая

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуемая ниже рукопись, как можно предполагать, является одной из последних работ великого сатирика. Она представляет собой как бы пару к знаменитой «Истории одного города», по крайней мере, тождественна с ней в целом ряде приемов. Читатель, надеясь, найдет в ней, несмотря на то что рукопись обрывается на середине событий, новое подтверждение тому, как живут и в наше время созданные Михаилом Евграфовичем бессмертные образы подлости, глупости, ханжества и как они применимы к некоторым международным обстоятельствам, тем паче, что некоторые абзацы являются буквально повторением «Истории одного города», без изменения хотя бы даже запятой.

...Был, говорят, в древности род фон Хапенами именуемый, и жил он далеко, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гевтбургского леса. Фон Хапенами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку хапать все, что бы ни встретилось по пути. Чужие владения попадаются — владения «шапают», вольный народ встретится — и его хапнут да и держат, покуда тот терпит. Делился же этот род на разные подвиды, но только замечательнейшие из них поименованы летописцем, а именно: живоглоты,

мироеды, правдоглухи, мракофилы, трудофобы, дальноплюн, дырявые головы, трясобрюхи, фальшивщики, гоги, магоги, демагоги и провокаты.

Ни устройства, ни мало-мальски здравомысленного правления эти разновидности не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали со всем миром. Заключали союзы, воевали, не объявляя войны, когда же просто грабили, то всегда прибавляли: «Даем полную гарантию неприкосновенности наших соседей сроком по вчерашний день!»

Начали они с того, что хоромину, в коей обычно собирались совет держать, смолой полили и подожгли. Потом посторонних людей за поджог судить стали. Потом из всякого сброда, особенно из дальноплюев и драколюбов, отряды составили. Потом козла за науками следить поставили, потом телят плавленым чугуном поить стали, а из молока да масла пушки лить. Потом соловья баснями кормили. Потом народу в зубы книжку «Наша драка» совали, чтобы он рот на пищу не разевал. Потом рака наняли в средневековые пятиться и ждали, когда он свистнет, что путь мол, открыт.

Но ничего не вышло. Телята от чугуна передохли, соловьи в чужие края улетели, народ книжку, не разжевав, выплюнул, а рак уполз

через средневековье прямо в каменный век, да там и застрял безо всякого свисту. А рознь и галденье, а пуще того оскуденье пошли хуже прежнего. Нет порядка да и полно!

Думали-думали. Красного петуха пустили и стали его всеми книгами, какие, кроме «Нашей драки», были, кормить. Порезали картины известных художников на лапшу. Ученых людей в полотеры определили, а полотеров в университет профессорами назначили. Облаву на смех объявили и с дреколем противу того смеха вышли.

Книги на ветер сгорели, а теплее от того не стало. Лапшу из картин никто есть не отважился, хотя народу и посянялось, что картины писаны на масле и по питательности далеко превосходят сосиски. Новые профессора так по своей старой полотерной привычке орудовали, что от университета осталось гладкое место. Что до смеха, то его поймать не удалось: Хапены на него вперед прут, а он у них за спиной нет-нет и загрохочет.

Сообразив, что порядок у себя они создать неспособны, решили Хапены наводить порядок по соседству и даже далее.

Тут, как утверждает летопись, дело пошло действительно лучше.

Начали с того, что вмешались в дела чуждавшегося вольного племени, которое своих фон

Раз в шестидневку ремешок
Отстегивая на вершок,
Растил живот он в три обхвата
И думал: «Это маловато!»
И так берег и ходил жир
Сей шаровидный командир,
Что двух отрезков матерьяла
На гимнастерку не хватало.
Когда он ехал на курорт,—
Кренился пароход на борт.
Когда вносил он в море тушу,—
Оно вылазило на сушу.
Так жил он и не замечал,
Как мир «стройней» и вырастал
И утром, радио включая,
Зарядку проводил до чая.
Любил он бег и водный спорт,
По вечерам ходил на корт.
И быстро, как Анри Коше, там
Мяч отбивал он рикошетом.
Толстел, толстел, круглел толстяк,
Ему казалось: все пустяк!
Раскрыл газету раз — и сразу
Он похудел от первой фразы.
Его пробрало холодком:
О нем в статье писал нарком.
Ему была страшнее бури
Инструкция по физкультуре.
Он стал худеть, и, говорят,
Зарядку делал час подряд,
Он упражнялся в разных видах:
Присест, под'ем, и вдох, и выдох.
Вчера, рассказывали мне,
Его видали на коне.
Его не видел на коне я,
Но, говорят, он стал стройнее.

ТОНКИЙ

РЕДКАЯ СПОСОБНОСТЬ

В первом номере газеты «Тагильский рабочий» поэт А. Строганов счел нужным довести до сведения общественности о своей необыкновенной доблести. В стихотворении «Страна моя» он пишет:

*«Я сумею пробраться без шороха
В стан врага, не запачкав штаны».*

Качество, что говорить, ценное! Но нехорошо бумагу пачкать такими изумительными стихами.

— Как в вашем районе развивается местная промышленность?
— Наладили производство ложек. Выпускаем через час по столовой ложке.

фон Хапенев

М. Е. Салтыкову-Щедрину)

Хапенев с горба сбрасывало. Послали этим чуждедальним фон Хапеневу наподмогу особливые полки из племени захватал, мордобоев и бомбежников. Попытка сия вряд ли бы и удалась, ежели бы другие соседи вовремя сообразили, куда, собственно, Хапеневы метят. А метили Хапеневы именно не столь в чуждедальний вольный народ, сколько в этих самых своих же соседей. Управлялись же те соседи князьями из разных родов. Летописец называет из них лишь некоторые, а именно: слеповзоры, твердолобы, помогалы, наводчики, незамай, авосьники, небосьники, краехатники, коекаки и невмешай.

При самом начале действий Хапенев правители сии были зашевелились, но тут же и успокоились. «Наша хата с краю», — сказали себе краехатники. «До нас вона как далеко!» «И верно! — подтвердили твердолобы. — Перед нашим двором вон какая лужа! На корыте и то в полдня не об'едешь! Мы за своей водицей, как за стеной каменной, небось, не тронут».

Не хуже рассуждали и незамай, коекаки и авосьники: «У нас, мол, с фон Хапеневыми есть законная граница спереди. Ее мы и укрепили, вишь, сколько мешков с трухой, да оглобель, да колыве понатыкано, да плетней понаплетено. Силой Хапенев с этой стороны не пробраться. А мы да и они народ ученый, правила знаем:

ежели война, враг границу спереди переходить обязан, а чтоб с тылу, такого порядка нет. Да у нас там сзади и столб поставлен с надписью «Вход воспрещается!»

Однако на всякий пожарный случай и коекаки и твердолобы, чтоб их никто и ничем корить не посмел, постановили: самим ни во что не ввязываться, но иметь глаз да глаз, для чего и пригласить в помощь себе невмешаев. Откуда этот род повелся, никто ничего порядком сказать не мог, а обнаружилось все уже позднее. Как бы то ни было, а невмешай взялись за дело круто: где чуть что фон Хапеневы ханнут, невмешай уж тут как тут, станут близенько, глаза крепко-крепко зажмурят и тут же твердолобам и коекакам отписывают: «Мы ничего не видим, стало быть, и нету ничего».

Это необычайно утешило Хапенев. Они было даже попробовали снова, передышки ради, сами собою устроиться. Под дождем онучи сушили, финансы-романсы петь учили, ложку с'ели (каша была уже с'едена прежде), на сосну Москву смотреть лазили. И опять стали ждать, что из этого выйдет. Но опять не вышло ничего.

Онучи перепрели. Финансы на высоких нотах надорвались и только хрипели как удавленники. Ложка в кашу не превратилась, хотя народу и поясняли за верное, что как сия ложка

из нержавеющей стали фирмы Крупп, то и заменяет четыре кило круп. А Москвы, сколько ни лазили, не только как ушей своих не увидели, но даже вроде как бы и смекнули, что через такое любопытство еще и с сосны свалиться можно и бока себе поотбить. Тогда снова вышли за околицу и пошли хапать что ни попало.

Спервоначалу краехаты, коекаки, авосьники, а особливо помогалы и наводчики (под видом невмешаев) не только не противились, но даже как бы подсобляли делить добычу. Мол, пусть дерут других-прочих — мы целее будем. Но чем более подсобляли Хапеневым сии недальновидные племена, тем теснее Хапеневы к ним подбирались. Наконец (на этом рукописи обрывается). Далее следует несколько отдельных строк, частью неразборчивых, долженствовавших, очевидно, составить план или конспект дальнейших событий. При всем самом тщательном изыскании нам удалось прочесть лишь следующее: «...все ближе и ближе... твердолобов как бы пришибло... гибель незамаев... авосьники дождались... хлеб из гвоздей... Хапеневы дождались... народ... (неразборчиво)... в шею...»

Дальше все неразборчиво, но совершенно ясно.

Разобрал и опубликовал рукопись архивариус редакции.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

Японский министр просвещения генерал Араки в целях борьбы с „опасными мыслями“ создал трудовые лагеря, построенные по германскому образцу.

Рис. Н. Радлова

— Лопаты раздай профессорско-преподавательскому составу, а кайла тащи писателям и художникам.

Нам пишут

из-за границы

АДАМ И ЕВА

Фашистский «ученый» профессор Бетвейлер утверждает в германском ежемесячнике «Дер Гаммер», что первое в истории человечества нарушение чистоты арийской расы совершил «еврей Адам, когда он взял себе в жены арийку Еву».

Бетвейлер считает, что именно в результате этого «преступления» «последовало изгнание человека из рая».

(Польская газета «Полония»)

КУРСЫ НЕВЕСТ

В Германии организованы шестинедельные курсы невест. Молодых девушек обучают там различным премудростям, которые должны превратить их в послушных рабынь своих будущих властелинов — мужей. Плата за обучение — 160 марок. Девушкам, которые не могут сразу внести такую крупную сумму, фашистская организация выдает ссуду, 100 марок,

с обязательством, что их будущие мужья возместят расходы на подготовку им жен.

В печатных наставлениях, которые раздаются ученицам этих «курсов», между прочим, значится: «Молодая немецкая невеста, в самую счастливую минуту своей жизни думай о фюрере, Адольфе Гитлере!»

КОМИК С ЗАВЯЗАННЫМ РТОМ

На сцену одного из германских театров вышел комик с завязанным ртом, сел на стул и, ничего не делая, просидел так 2—3 минуты. Раздался смех зрителей. Продолжая молчать, комик поднялся и ушел. Конферансье обратился к публике: «Политическая часть нашей программы закончена. Переходим к увеселительной».

Оба сидят теперь в концентрационном лагере.

(«Дейче фольксцейтунг».)

Велосипеды

Морошкин, заведующий магазином «Все для спорта и охоты», закрыл дверь на ключ, положил ключ на стол рядом с телефоном и посмотрел на собравшихся. Здесь были самые близкие родственники — жена, брат, дядя.

— Предупреждаю. Культурно говорю, чтоб между нами, — начал Морошкин, — ко мне в магазин дают с базы десять велосипедов.

— О, о, Петя, — заулыбался брат, — давно мечтаю. Не забудь.

— Парочку! — воскликнул дядя.

— Тсс!.. Культурно говорю. Тсс!.. — перебил Морошкин, покачав головой. — Культурно говорю, тяжело мне с вами. Мыслите вы как люди негосударственного масштаба. На этих велосипедах я далеко уеду! Сначала надо распределить велосипеды среди руководящих товарищей нашего районного центра. Председатель райисполкома — один.

— Два — сказал, воодушевившись, дядя. — И супруге.

— А кто его супруга? — спросил брат.

— Это неважно, — заметил Морошкин, — дядя прав. Просто по должности: супруга.

— Петенька, а мне, — сказала жена. — Я тоже хочу!

— Успеется! — отрезал Морошкин.

— Петр! — подсказал брат. — Не забудь за здравоохранения. Путевку на курорт устроит.

— Обязательно! — согласился Морошкин. — Да, вот еще начальнику станции один. Без очереди билет достанет.

— С путевками и так без очереди, — воскликнула жена, — нечего наши велосипеды базарить всякому-каждому.

— Не спорю. Начальнику станции отказать!

Морошкин хлопнул себя по лбу.

— Забыл! А Иван Яковлевич из коммуна! Человек нужный. Жилплощадью командует.

— Петр! — заметил дядя. — Но у Иван Яковлевича деревянная нога.

— Неважно. Обижать нельзя человека. Есть у него родственники?

— Есть, — сказала жена.

— Ну вот, родственник поедет.

— Да у него только одна родственница — Пелагея Дмитриевна.

Морошкин посмотрел на жену.

— Вот Пелагея эта и покатит.

— Господи! Да ей восемьдесят лет.

— Хоть сто восемьдесят! Ну, руководящие все. Теперь мы...

Морошкин написал: «Морошкин — 1». Дядя смотрел из-за плеча Морошкина.

— Дядя! Культурно говорю, не дышите мне в ухо.

— Да. Но я не понимаю. Ты ставишь против моей фамилии — ½. Что это значит? Пол-велосипеда?

— Тебе с братом один.

— Спасибо! — пожал плечами брат. — Может, еще пожертвуешь четверть, колесо или одну спицу?

— Ну, о чем спорить? — сказал Морошкин. — Культурно говорю, не о чем спорить.

Коровкии-то, завмаг «Динамо». Он лопнет от зависти. Ведь так услужить руководящим това...

Неожиданно зазвонил телефон. Морошкин погрозил родственникам пальцем:

— Тсс!

— Говорит Коровкин! — слышалось в трубке. — Здорово, Петруха! У тебя, говорят, велосипеды получены?

— А что?

— Да так... Получены или нет?

— А для чего это тебе, собственно? Ну, получили.

— А много?

— Кому надо, хватит.

— Ну и я получил.

— Ты?! И много?

— Двести штук!

— Две... две...

— Двести!.. И имей в виду, есть строгое распоряжение, что никому по благу...

Но Морошкин не дослушал. Бледнея, он бормотал:

— Испортит!.. Культурно говорю, изгладил всю карьеру!.. Ффу!.. Как будто кто по животу проехал на велосипеде!..

В. ТОБОЛЯКОВ.

Дачная местность

ВТОРАЯ скрипка кинотеатра «Унион» Савва Петрович Кудояров каждый день отправляется за город. Почти месяц Савва Петрович ищет дачу.

Сегодня музыканту предстоит обследовать село Черное, поселок Купавну, деревни Ивановку и Федурново. Скрипач сидит в жарко натопленном полупустом вагоне и тоскливо смотрит в окно.

Кудояров ходит в Купавне. Он видит чахлую рощицу, приземистые домишки, огромные лужи.

— Низкое место! — с удовлетворением констатирует Савва Петрович. — Летом здесь сыро и, наверное, комары, — добавляет он почти радостно.

Скрипач надеется, что здешними красотами природы прельстились немногие, и поэтому дачу в Купавне будет снять легче. По липкой грязи Савва Петрович шагает в поселок. Свободных дач нет. Некоторые хозяева на стук Кудоярова даже не выходят к дверям.

Савва Петрович понуро бредет дальше. Из Купавны музыкант отправляется пешком в Черное, а оттуда — в Федурново. Только здесь, после длительных поисков уже заканчивая обход деревни, скрипач обнаруживает никем еще не снятую застекленную террасу. Просят за нее 800 рублей. Терраса плохонькая, но зато сравнительно дешево.

В Москву Кудояров возвращается около четырех. Заезжать домой уже поздно. Прямо с вокзала вторая скрипка спешит в «Унион». Через полчаса Кудояров сидит с другими музыкантами джаз-оркестра на эстраде и старается спрятать забрызганные грязью ботинки под отороченный бархатом табурет.

— «Маленькая Каролина!» — объявляет дирижер, и Савва Петрович начинает водить смычком, искоса поглядывая на публику и сладко улыбаясь.

Когда начинает петь солистка, сосед второй скрипки, саксофонист Рогачевский, получает минутную передышку. Ритмично покачиваясь на табурете в такт мелодии, Рогачевский шепотом спрашивает у Саввы Петровича:

— Дачу сняли?

— Снял, — отвечает Кудояров, картинно изгибаясь вслед уходящим из-под смычка звукам. — Снял, исключительная гадость.

— Так вам и надо, — говорит Рогачевский, продолжая покачиваться и бездумно улыбаться публике.

— Дал за террасу 800 рублей. Маленький стеклянный загончик. Это ведь...

Савва Петрович не кончает фразы. Вместе со всеми он подхватывает домашним голосом припев:

«Играй и пой, веселый джаз!
О Каролина, люблю я вас!»

— Вы мот. Вам некуда девать деньги, — цедит сквозь зубы саксофонист, подымаясь с места и поднося инструмент к губам.

Кудоярову снова не удается ответить. Он откладывает скрипку, проворно хватая банджо, на котором играет по совместительству, и с неестественной веселостью выкрикивает:

«Мерцают звезды над рекой.
О Каролина, побудь со мной!»..

В перерыве саксофонист убеждает Савву Петровича:

— Не будьте консерватором. Далась вам подмосковная дача. Там ведь на каждую ель три семейства приходится. Поедем лучше в Листвянку. Двое суток езды, но зато глушь, джунгли, покой. Сами пробудем месяц, а семью оставим до осени.

— Что вы! — испуганно отвечает Савва Пет-

рович. — Мне никак нельзя: я ведь задаток дал.

— Задаток, — презрительно поднимает плечи Рогачевский. — Да бросьте его хозяину под ноги.

— Так вы подумайте, — напоминает саксофонист на прощанье. — Вместе и поедем.

На следующий день, во время репетиции, Рогачевский спрашивает:

— Ну как, решили?

— Не так скоро, — сердито отвечает Кудояров. — Не горит.

Как опытный искуситель, Рогачевский снова начинает тревожить израненную душу Саввы Петровича картинками далекой и дикой Листвянки. Вторая скрипка слабо сопротивляется. Так в неравной борьбе проходит пятитдневка. Наконец, Рогачевский слышит, как Савва Петрович втолковывает пианисту:

— И далась вам эта Мамонтовка! Там на одну ель три семейства приходится. Поедем-ка лучше...

— Готов! — радостно заключает Рогачевский и идет договариваться об отпуске.

В начале мая отпуск получают и скрипка и саксофон. Застекленная терраска в Федурнове переуступлена многолетнему Миرونу Исаичу, играющему на аккордеоне. Наконец, заканчиваются все сборы, и Кудояров с Рогачевским садятся в плацкартный вагон. Семья выедет в Листвянку немного позже.

Наутро музыканты просыпаются где-то у Волги. За окном расстилается веселая прозелень всходов.

Позавтракав, путешественники ставят между полками чемодан и начинают играть в шестьдесят шесть. Но карты быстро надоедают, да и на уме у обоих первобытные прелести Листвянки.

— Речка там замечательная, — вспоминает Рогачевский, — так и извивается в берегах. Змиевкой поэтому ее называют. Головли в ней водятся. Возьмем лодочку, заберемся в камыши — и давай рыбачить.

— А как с дичью? — спрашивает Савва Петрович, хотя он отроду не охотился.

— Куропаток в степи тьма. Оно и понятно. Степь-то какая! Пампасы! Прерии! Это вам не Малаховка!

Кудояров выглядывает в окно и в самом деле видит степь, широкую, волнующуюся, нетронутую. Горизонт прикрывает фиолетовая полоска леса.

В Листвянку поезд приходит на другой день, к вечеру.

Вскоре Кудояров и Рогачевский стоят за вокзалом и озирают первозданные красоты Листвянки.

Перед ними вздымаются к небу этажи фабричного корпуса. На берегу выпрямленной и перехваченной плотиной Змиевки шумит гидростанция. У красной бензиновой колонки толпятся грузовики. Рогачевский всматривается в широкую мощеную улицу, в большие каменные дома и не узнает в новом городе Листвянске той деревушки, где он отдыхал четыре года назад.

Со страхом оборачивается саксофонист к Савве Петровичу.

— Что это? — находит в себе силу спросить скрипач.

Мимо изумленных москвичей проезжает полуратонка. В кузове сидит человек, одной рукой обнимая керосинку, а другой придерживая полосатый матрац. Рядом с ним видны некрашенный кухонный столик, кровать-раскладушка и цинковое корыто.

Ошибиться невозможно: листвянцы выезжают на дачу.

Е. и С. ШАТРОВЫ.

ЖИМЧИСТК

Рис. В. Васильева

Несмываемое пятно.

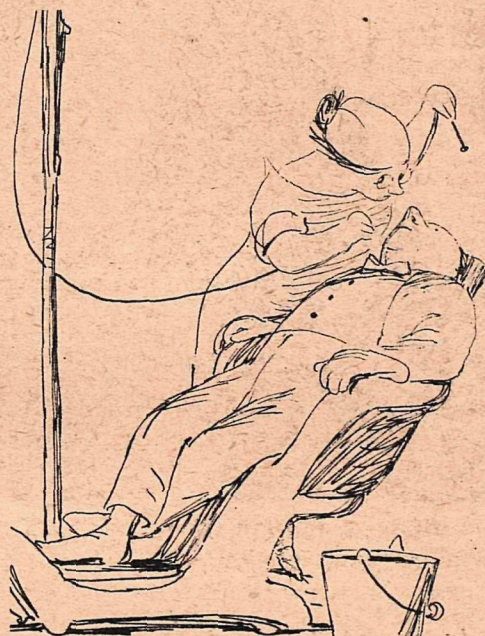

Рис. Л. Сойфертиса

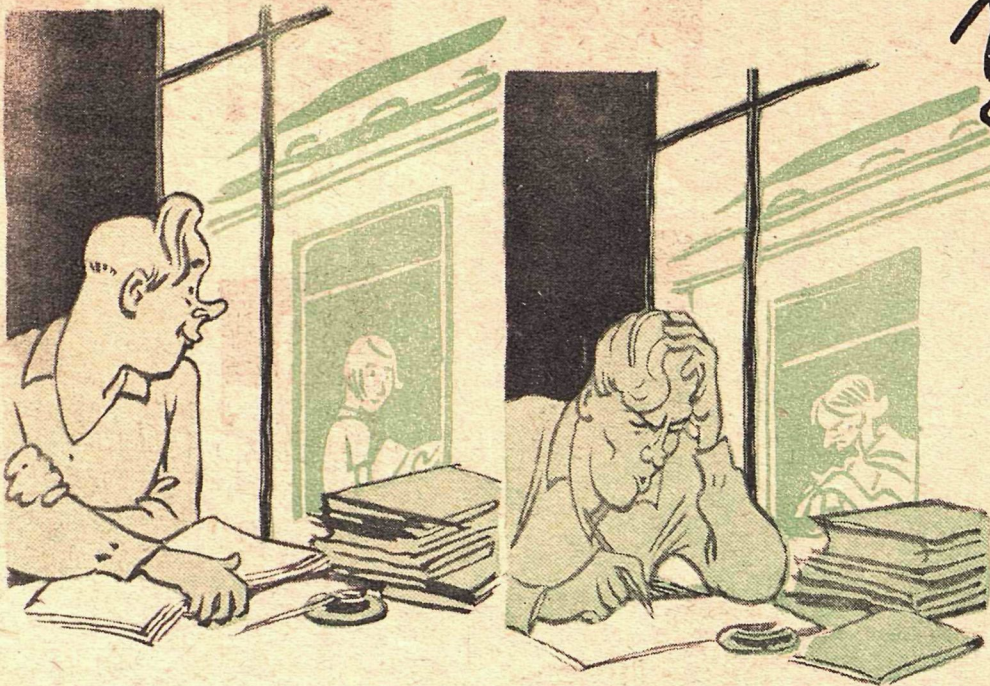
Единственный случай, когда болтун предпочитает держать рот закрытым.

Рис. Б. Пророкова

— Можно узнать ваше имя?
— Уплатите, гражданин, двадцать копеек за справку.

Всета шва

Сначала подготовка к экзаменам шла очень туго...

...Но потом она стала подвигаться значительно успешнее,

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

— Назовите главный город Италии?
— Берлин.

КСТАТИ О ШПАРГАЛКЕ

— Всем нравится моя изящная ручка, А к чему она, когда больше одной формулы никак на ней не поместишь!

НА „ОТЛИЧНО“

МОЛОДОЙ ПЕДАГОГ: — Из всего класса одна я остаюсь на второй год.

НА УРОКЕ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЕ

— Что такое полуостров?
— Это часть чужой суши, окруженная с трех сторон нашими военными кораблями.

АКТУАЛЬНАЯ РАДИОПЕРЕДАЧА

— Алло! Алло! Сегодня мы передаем учебу студента Лаврова, у которого оказался учебник по химии. Студентов, не имеющих учебников, просим настроиться на нашу волну.

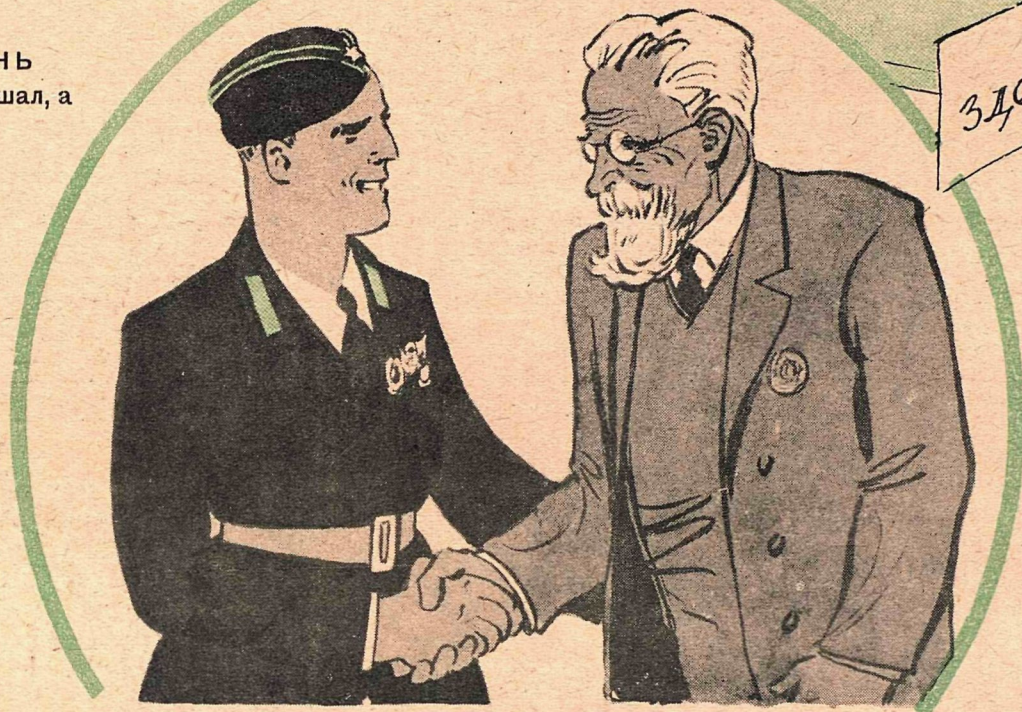

Светильник, за
систематический
процесс в мал,
составляю
"НОВО"

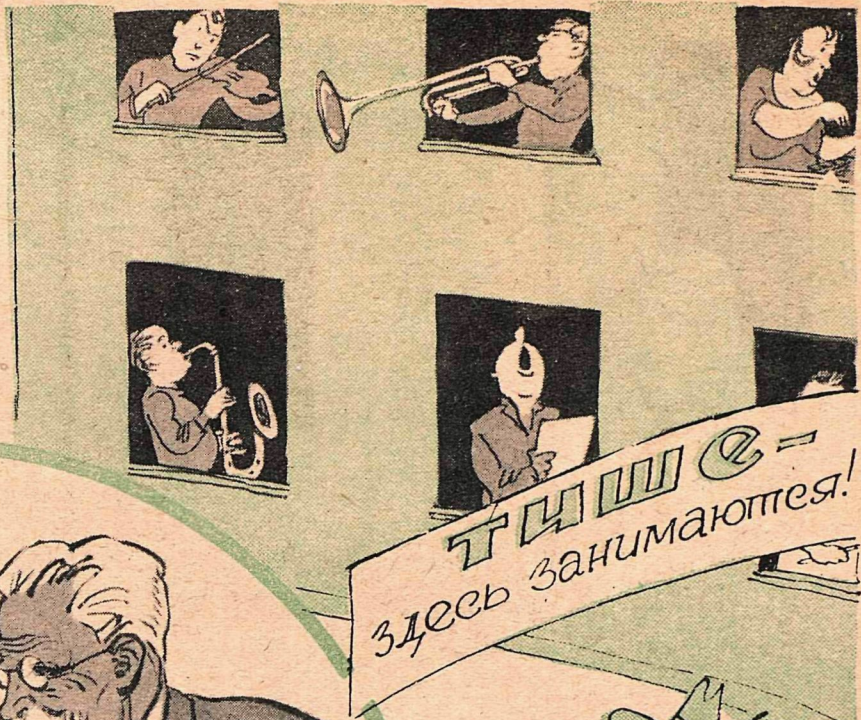
Металлическая

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ
 - В театре и кино ты нас слушал, а теперь мы послушаем тебя.

ПОСЛЕ НАГРАЖДЕНИЯ
 - Я всегда отмечал твои школьные успехи.
 - А теперь и ваши школьные успехи отмечены.

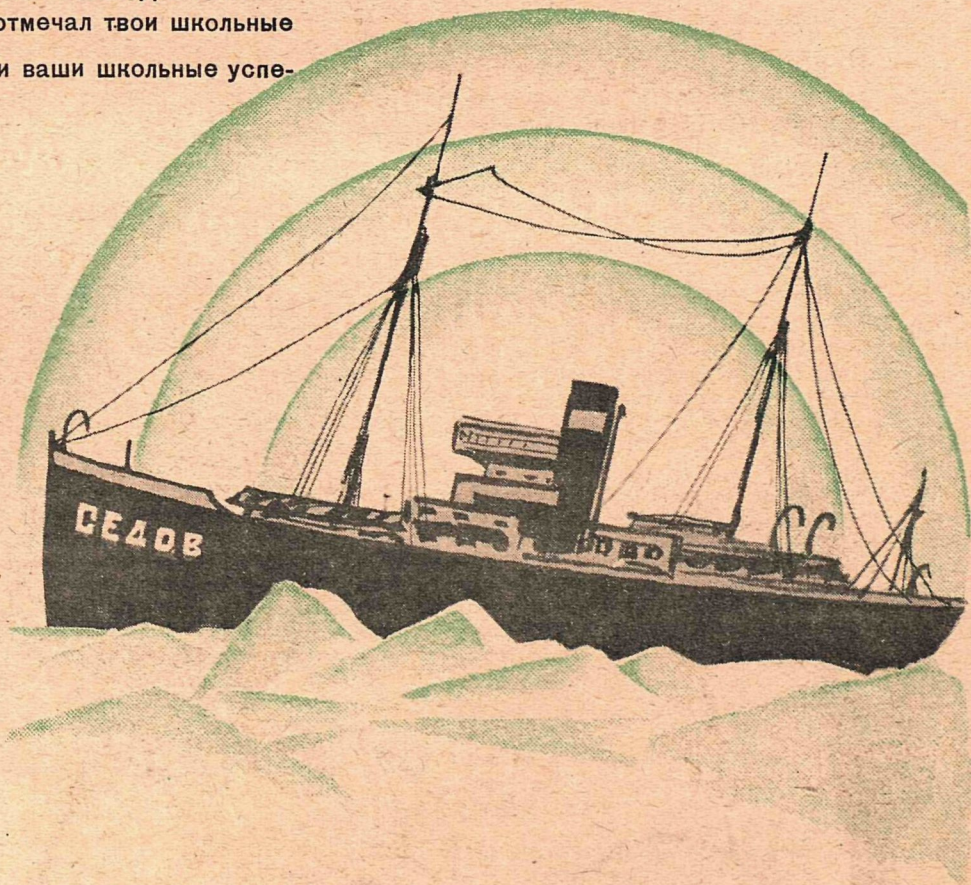
ТШШШ
 здесь занимаются!

**У ОБЩЕЖИТИЯ
 СТУДЕНТОВ
 КОНСЕРВАТОРИИ**

НА ЭКЗАМЕНЕ В ТЕАТРАЛЬНОМ ВУЗЕ
 - Быть или не быть... мне артистом?

БЛЕСТЯЩЕЕ ПРОХОЖДЕНИЕ КУРСА

Рис. Ю. Ганфа

- Как вам нравится моя картина?
- Но ведь тут только одни буквы.
- Но зато какая тема и сколько чувства!

Катастрофа в проезде Художественного театра

Наднях в Художественном театре вследствие халатности дирекции и при энергичном содействии режиссера В. Г. Сахновского произошла премьера пьесы Л. Леонова «Половчанские сады».

По свидетельству очевидцев и многочисленных пострадавших, бедствие началось в 19 часов 40 минут и продолжалось с небольшими перерывами почти до полуночи.

Обстоятельства дела рисуются в следующем виде.

За несколько дней до рокового вечера по Москве распространились тревожные слухи. Передавали, что в Малом театре якобы произошло представление другой пьесы того же автора — «Волк».

Однако, полагая, что опасность уже окончательно миновала и второго толчка не будет, москвичи отнеслись к зловещему предзнаменованию недостаточно серьезно. Беспечно насвистывая: «Нам нестрашен серый волк, серый волк, серый волк», — публика заполнила зрительный зал Художественного театра.

Но едва потух свет и раздвинулся занавес, как толпу охватило чувство сильнейшего нервного беспокойства. Наиболее дальновидные поняли, что попали в ловушку. Судорожная зевота охватила зрительный зал.

Несчастье стряслось так быстро, что в первый момент трудно было понять, что же, собственно, происходит на сцене.

Одни говорили, что происходит помесь Лейкина с Достоевским.

Другие утверждали: пародия на советскую пьесу, по ошибке попавшая в Художественный театр вместо театра эстрады и миниатюр.

Третьи, поминая чудесное выражение из записной книжки покойного Ильфа, меланхолически вздыхали:

«Происходит грандиозная петрушка!»

По нашему мнению, третьи были наиболее близки к истине. Петрушка происходила действительно грандиозная...

К директору некоего совхоза Маккавееву, такому могучему библейскому дубу с подвижной бородой, съезжаются дети: Юрий, врач; Виктор, инженер; Сергей, комбриг; Анатолий, боксер (он же машинист); Маша, агроном.

Все они, разумеется, сильные, здоровые, красивые и т. д. Стандартные бодрячки.

Происходит пленум могучей семьи, продолжающийся три действия, во время которых каждый делегат с решающим голосом (папа, мама, сыновья и дочь), а также все делегаты с совещательным голосом (Унус — научный сотрудник, Ручкина — учительница и т. д.), а также все действующие лица с гостевыми бл-

летами произносят по две — три небольших, но довольно скучных речи на внутренние и международные темы. В перерывах между вышеупомянутыми семейными заседаниями кое-кто женится, кое-кто надирается сидром, кое-кто смешит публику, а кстате, общими усилиями разоблачают бесхитростного врага, втесавшегося в эту хорошую семью.

Все, без исключения, действующие лица пьесы — резонеры, что надо приветствовать как некое новаторство.

Единство места, единство действия, единство времени и единство... характеров.

Кроме того полное отсутствие разнообразия красок. Считается, что когда все персонажи выкрашены автором в два цвета: в белый или в черный, — это плохо. Леонов чудесно избежал неприятной схемы. Он выкрасил всех своих персонажей в унитарный серый цвет, что придало пьесе еще одно единство — единство... краски.

Разговаривают все персонажи одним языком. Этот язык можно назвать «вечериночный».

На каждой дореволюционной вечеринке имелся свой рубаха-парень, душа общества и пошляк. Его функция — во что бы то ни стало смешить девиц и балагурить.

В «Половчанских садах» на вечериночный манер балагурят все: и мужчины и женщины, и «положительные» и «отрицательные», и «действительные» и «совещательные», и «гостевые»:

«Ты топотом стучи».

«Не приближайтесь, у меня пиджак линяет»...

«Пусти. Чего ты меня крутишь? Я тебе не велосипедный руль».

«Гипнотизер — так это я. Сорокалетний стаж и семь медалей. (Скороговоркой.) Гипнотизирую лиц обоего пола, домашних животных, сельскохозяйственный инвентарь, а также мелкие серебряные вещи!»

До чего все это старо! Добро бы автор хотел охарактеризовать какую-нибудь дореволюционную, мешанскую манеру (и то, собственно, надо было бы поискать других художественных средств). Но ведь этими календарными, столетними давность имеющими остротами характеризуются персонажи, имеющие претензию быть новыми и советскими!

Там же, где автор заставляет своих несчастных героев переживать какие-нибудь серьезные чувства, например чувство любви, то происходит это так:

«В первый раз я вас увидел в Тушине восемнадцатого августа, когда вы прыгали с парашютом...»

И, заметьте, это совершенно серьезно, это не пародия!

Или происходит объяснение в любви другой пары:

«ОН. Я люблю вас...»

ОНА. Я читала вашу анкету...» и т. д.

И все это полито не «осенним, мелким дождичком» плохой газетной патетики:

«Скоро юбилей нашей молодой родины. Потом ей будет сорок, и сто, но двадцать не повторяются в жизни никогда».

Правда, на эту реплику следует довольно резонный ответ:

«Ирод, это все знают и без вас».

Так что тут автор до известной степени помог истомленному зрителю. На каждую старую сомнительную остроту, произносимую со сцены, на каждый патетический триумф из зрительного зала летит сдержанный вздох:

— Ирод, это все знают и без вас...

Или, как говорит другой персонаж, «совещательный»:

«Эх-ма, пародия в общей сложности».

И опять и опять идет серая патетика:

«Чудаки вы, половчанцы! Человеку разрешают подвиг, то есть проверить себя на большом. Я понимаю подвиг, как цветение мужества и зрелости...»

Из публики многие заснули тяжелым сном. Число жертв и убытки выясняются.

Во всяком случае, их значительно больше чем при провале «Чортова моста».

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

Письмо

Мой лучший друг —
Увидеть сразу можно —
Он похудел, такой смешной проstack,
Мой лучший друг влюбился безнадежно
И написал письмо... И вышло так:

— Я сам не свой,
Когда пишу об этом,
А этому причиной только ты,
Твои глаза, наполненные светом,
Твои неповторимые черты...

Твой голос постоянно серебрится
И я, тебя увидев, не дышу...
Я начинаю регулярно бриться
И галстуки вне праздников ношу.

Здороваться с друзьями забываю,
И подо мной качается земля...
Вчера поехал не на том трамвае
И чуть не налетел на три рубля.

Но, может быть, слова мои напрасны,
А у тебя имеется другой,
Который самый ласковый, и ясный,
И, вероятно, самый дорогой?

Тогда скажи об этом, не скрывая,
Пойми, что я несколько не шучу...
Я снова перепутаю трамван,
Когда ответ тяжелый получу.

Но все-таки, наверно, отрезвю
И, как мне быть, — усвою налету,
И помыслы печальные развею,
И свой нормальный вид приобрету.

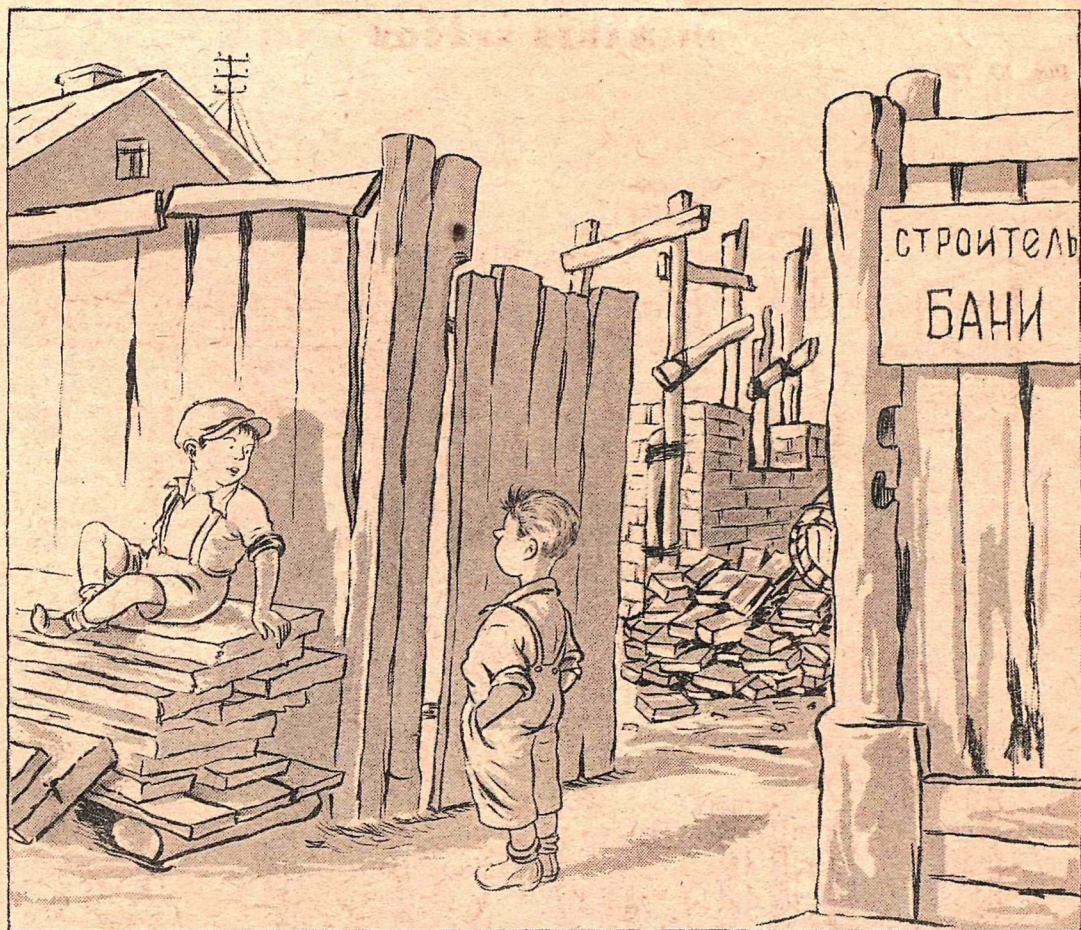

Рис. Г. Валька и Б. Лысевича.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ.

— Мой папа не летун: он уже шестой год строит эту баню.

Крымский анекдот

НЕКАЯ московская артистка гастролировала в Ялте. Была ранняя весна, цвел миндаль, шумел морской прибор, ревели сирены теплоходов...

Артистка гуляла по чудесной ялтинской набережной смотрела в лазурную даль, нюхала цветы. В общем, настроение было сугубо лирическое. Невольно вспоминался нежно любимый муж, который на расстоянии нескольких тысяч километров казался еще милей.

Под наплывом всех этих тонких чувств артистка зашла в магазин и купила бумажник. Вот тот подарок — весточка, — который она пошлет далекому супругу!

И любящая жена прямо из магазина отправилась в ювелирный цех ялтинской артели «Точмех», расположенный тут же на набережной.

— Мне нужно поставить на бумажник серебряную пластинку, — сказала она, обращаясь к человеку в окошке.

— Можно.

— И выгравировать надпись.

— Можно.

Артистка протянула приемщику клочок бумаги. На нем было написано:

«Дорогой Яничка! Где б ни скиталась я, ты вспоминай меня. Твоя Надя. Ялта, 1939 год».

Приемщик растерянно поглядел на надпись, пугливо — на заказчицу, снова — на надпись, опять — на заказчицу...

— Одну секундочку, — кинул он и скрылся в глубине.

Через минуту приемщик вновь

появился, но уже в сопровождении строгого мужчины, оказавшегося самим заведующим ювелирным цехом товарищем Гускиным. Заведующий держал в руках злополучную, бумажку:

— Это вы, гражданочка, хотите выгравировать этот текст?

— Я.

Гускин положил на прилавок «дорогого Яничку».

— Мы этого сделать не можем.

— Почему? — удивилась заказчица.

— Потому что — это идеологически невыдержанная надпись. В нашей стране никто не скитается. Даже цыгане и те переходят от кочевого образа жизни к оседлому...

При последних словах он взглянул на приемщика, и тот закивал головой, как бы подтверждая, что цыгане, действительно, переходят от кочевого образа жизни к оседлому.

Артистка засмеялась:

— При чем же тут цыгане?.. Что вы за чушь порете?! Я артистка, понимаете?.. Певица!.. По путевкам концертных организаций я часто гастролирую по СССР и оставляю мужа. Вот я...

Но Гускин нетерпеливо перебил:

— Тогда так и напишите: «Дорогой Яничка, где б ни гастролировала я по путевкам концертных организаций, вспоминай меня...»

Сколько ни билась заказчица, разясняя, что ее текст — лишь перифразировка популярного романса, заведующий упорно стоял на своем:

— Романыс меня не касаются. А у себя в ювелирном цеху я свою идеологическую линию гну. И только после долгих уговоров смягчился:

— А то идите к уполномоченному Главлита. Если он визирует, — пожалуйста!

Артистка решила бороться до победного конца. Прямо от Гускина она отправилась к уполномоченному Главлита Крымской АССР, которого уже знала, так как зарегистрировала у него свой репертуар.

Уполномоченный медленно читал текст:

— Дорогой... гм... Яничка... Где б ни скиталась я... гм... вспоминай меня...

Прочтя, он поднял глаза.

— Кто такой Яничка?

— Мой муж.

— Для какой цели регистрируете текст?

— Для монограммы на бумажник.

Уполномоченный подумал. — Значит, не для массового распространения, а для собственной семейной аудитории?

И шлепнул штамп:

— Разрешаю.

Потом расписался с завитушкой.

Артистка шла по чудесной ялтинской набережной, смотрела в лазурную даль, нюхала цветы и думала:

— Боже, какие дураки!

Была ранняя весна, цвел миндаль, шумел морской прибор, ревели сирены теплоходов...

ЕВГ. БЕРМОНТ

Происшествия

ПРЕСТУПНИК ЗАДЕРЖАН. Уголовным розыском задержан некто Б. Позани. При обыске у него отобраны две музыкальные отмычки, фрак и пачка кабацких цыганских романсов, которые он выдавал за старинные народные песни.

СОБАКА НАШЛА ВОРА. В 15-е отделение милиции поступило заявление от г-на Е. Алфимова о том, что у него за последние дни систематически пропадают рабочее время. В частности 26 апреля у Алфимова украли на автобусных остановках около трех часов. Пущенная по следу овчарка «Айна» привела работников милиции в дирекцию 2-го автобусного парка.

ЗАДЕРЖАН РЕЦИДИВИСТ. В пригородном поезде Москва—Мытищи 20 мая главным кондуктором Высоцким были задержаны А. Пучков и Б. Лучков, пытавшиеся провезти на дачу керосин в нарзанных бутылках. Как выяснилось, Пучков и Лучков занимаются провозом керосина в поездах уже не первый год. Соучастниками своего преступления рецидивисты назвали руководителей Мосторга и Нефторга.

СЛУЧАЙ В ПРОДМАГЕ. В продмаге № 58 покупатель Н. попросил продавца завернуть покушку. Узнав, что нет бумаги, покупатель написал в жалобной книге пространную жалобу и направился к выходу. Завмаг окликнул покупателя, извинился и завернул ему покушку. У себя дома покупатель обнаружил, что покушка была завернута в листок с его жалобой, вырванный из книги. Жалоба помогла.

Знаменитые земляки

В ЭТОМ отделении жесткого вагона было уютно и чисто. Играли в домино: гражданин средних лет в серой рубашке с отстегнутым воротничком и в мягких туфлях, — видать, большой знаток пассажирского движения, — девушка в свитере, с кудрями, и техник-интендант, пришедший из соседнего отделения. А у окна расположился еще старичок в трех жилетах и старинном пиджаке с разрезом сзади. Старичок смотрел в окно. Крякнув, он сказал:

— Трава-то какая! А у нас еще только только снег начинает сходить...

— Где это — «у нас»? — равнодушным голосом спросил из вежливости опытный пассажир в серой рубашке.

— Город Стругач, может, слышали?

— Это где же такое?

Техник-интендант поднял голову кверху, закатил зрачки, вспоминая, и произнес неуверенно:

— Стругач... Это где-то около Урала...

— Да, да! — обрадовался старик. — Вот возьмите вы: маленький городок, а, между прочим, один из наших, так сказать, земляков на сегодняшний день является замнаркомом местной промышленности.

— Ну да!

— Определенно. Товарищ Агапов, Семен Васильевич. Замнарком. Не могу только сейчас вам сказать, в Москве он или в Киеве. А я его, Сеню Агапова, еще мальчишкой помню...

— Скажите, пожалуйста!

— А как бы вы думали! Товарищ Агапов —

это раз! — старик лихим взмахом правой руки отложил мизинец на левой руке. — Идем дальше: Герой Советского Союза товарищ Буров — это два...

— Разве и Буров ваш?

— А то как же! Алешка Буров, слава тебе, господи. Это он теперь майор и так далее. А тоже, бывало, у меня в саду яблоки воровал. Идем дальше: заслуженный артист республики Мукосеев — три!

— Ваш?

— Наш. Небось, все слышали, как он по радио: «Не счастье алмазов в каменных пещерах...» Тенор! И за что не возьмется, все тенором поет. Он еще у нас, когда в школе учился, уже отличался, так сказать, голосом и слухом. К ихнему дому подойти нельзя было: с утра до ночи все орет...

Спутники оставили домино и с вниманием слушали старика, который просто уже бушевал: размахивал руками, горделиво поглаживал усы, стучал по деревянной обивке вагона, — словом, разошелся.

— Дальше идем! — кричал старик, небрежным взглядом окидывая пассажиров, перешедших из смежных отделений. — Хирург, профессор Петренко, он — кто, я вас спрашиваю?!

— Неужели и Петренко из Стругача?

— А откуда же? Исключительно из Стругача. Пет-рен-ко! Это вам не шутки. Петренко, например, положит вам руку на живот, и сразу он чувствует, что у вас там в порядке, что не в порядке, и откуда надо взрезать. Петренку, если хотите знать, вызывали за границу. Там у какого-то ихнего министра

что-то заело внутри. Мне объясняли знатоки, но я сейчас не помню. Кажется, кишка за кишку зацепилась. Тамошние врачи хватать-похватать — видят, не могут они с этими кишками совладать. Так сказать, перехлестнуло выше их сил... Спрашивается: кого надо звывать?

— Петренко? — робко спросила девушка с кудрями.

— Само собой. Приезжает наш Илья Петрович Петренко, сейчас отрезает одну кишку, а конец другой кишки подводит куда-то на новое место, чуть не подмышку, и срывает. Ихние врачи только ахнули...

— Курите? — почтительно спросил старика один из пассажиров смежного отделения, протягивая папиросу.

Старик небрежным жестом взял папиросу. Тотчас четыре других пассажира зажгли по спичке. Старик затянулся, покашлял немного и продолжал:

— Идем дальше. Поэт Иван Полесьев. Пишет стихи. С рифмами, с заглавными — все как следует. Слышали, небось?

— Ну как же! — нестройным хором отозвались пассажиры.

— Ну вот: наш стругачинский.

Старик победно озирался. Но тут с верхней койки раздался хриловатый голос. По-волжски напая на звук «о», голос сказал:

— Позвольте, Полесьев — наш земляк, горьковчанин. Полесьев — это псевдоним. Настоящий я его фамилия, если хотите знать, — Камушкин.

— Еще чего! — презрительно откликнулся старик. — Я этого Полесьева с детства знаю... Полесьевы через дом от меня живут, если хотите знать.

Внезапно среди пассажиров начался бунт против старика.

— Что это вы, папаша, всех на свете знаете с детства? — язвительно спросил пассажир, незадолго перед этим угощавший старика папиросой.

Послышался смехок. Девушка с кудрями задумчиво сказала:

— Между прочим, я слышала выступление этого Полесьева... Он тоже на «о» говорит, как вот и товарищ.

И девушка показала пальцем на горьковчанина.

Старик покраснел и неуверенным уже тоном заявил:

— Одно только может быть: может, ваш Полесьев он, так сказать, — не наш Полесьев. Произошла пауза, во время которой все разошлись по своим отделениям. Старик стал сопеть и сопел минут десять. Затем он спросил у техника-интенданта:

— Что ж, может быть, вы теперь не верите, что и Петренко — мой земляк?

— Нет, почему?.. Всякое бывает, — уклончиво ответил техник-интендант.

Старик засопел и вдруг стал собирать свои вещи.

— Куда вы, папаша? — спросила девушка.

— В другой вагон. Поскольку мне здесь не верят. А я к этому не привык...

Уговаривали старика пассажиры четырех отделений, уговаривали в течение сорока минут. Старик остался только после того, как все хором попросили его еще раз поведать о знаменитых его земляках.

— Значит, так, — железным голосом начал он, разложив по местам свои вещи, — земляк номер один — товарищ Агапов...

— Замнарком?

— Да. Именно: замнарком. Местной промышленности...

В. АРДОВ

СУХОПУТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Сижу, расстроенный курортом,
На каменистом берегу:

Я заниматься водным спортом

Никак «вприглядку» не могу.

Блестит вода. Пльвут селедки.

Сияет ярко небосвод.

А я, мятельный, жажду лодки,

Как будто лодку даст Освод...

А. СТОВРАЦКИЙ

Рис. Л. Генча

— Можете вывесить таблицу, что в гостинице свободных номеров нет, а сами отправляйтесь спать в один из свободных номеров.

Симфония

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

Рис. А. Каневского

ДИРЕКТОР говорил, а репортер записывал:

«Автомат выделяет умопомрачительные фокусы. Сам режет, лилит, строгаёт, обтачивает, шлифует, полирует...

— Молодец, — похвалил репортер и постучал карандашом по машине. — И давно работает?

— Второй день, — ответил директор. — Сейчас устраняем детские болезни.

— Без этого не бывает, — согласился репортер. — Еще вопрос: кто породил красавчика?

— Коллектив, — гордо произнес директор. Директор проводил гостя и немедленно созвал узкое совещание.

— Не знаю, — провозгласил он, — что делать с Чепраком: зазнается парень.

— Премировать надо, — посоветовал парт-орг. — Он чертил, конструировал — никто не верил его автомату. А ты, Платоныч, — он ткнул в директорский бок, — оказался наибольшим Фомой неверующим. Чепраку пришлось штаны продать и изготовить модель за собственный счет.

— Это не дает право Чепраку ходить с поднятой головой, — нахмурился, проворчал директор. — Автомат изготовлен нами, силами коллектива.

— Совершенно справедливо, — заметил председатель завкома.

— Чепрак — пройдоха! — ударив кулаком по столу, гневно заявил директор. — Приходит и заявляет: «Прикажете насадить на машину дощечку «Автомат системы Чепрака». Как? — заорал я. — Где вы работаете: на госзаводе или в капиталистическом мире? А нахал в ответ: «Советская опера «Тихий Дон» числится за композитором Держинским».

— Комедия! — засмеялся предзавкома. — Инженер норовит сравниться с композитором.

— Фиксирую единодушное мнение, — закончил директор. — Осудить попользования Чепрака. Отстранить от автомата зарвавшегося инженера.

— Поблагодарить, однако, надо бы, — нерешительно прервал парторг.

— Поблагодарим, — сказал директор. — В общем списке поблагодарим. Сейчас приступим к составлению списка энтузиастов.

Через два дня прикатила важная комиссия: начальник главка и его два зама.

— Батюшки! — вскричал директор. — Неожиданный сюрприз!

— Мы цветочки, — устало садясь на диван, отрекомендовался начальник главка. — Завтра прибудет нарком.

— Нарком! — артистически всплеснув руками, проликовал директор.

— Ох, хитрый вы, Платон Платонович, — улыбаясь и прозя пальцем, произнес заместитель начальника главка. — Настоящий Плутон Плутонич. Газеты трубят про чудо-автомат, а директор — смотрите на него! — хочет выглядеть скромником.

— Не отпираюсь: грешен, создал автомат. Машина, действительно, занятая, но мало ли их еще в наших мыслях. Мы работаем потихонечку: нам не надо славы.

— Это правильно, — подтвердил начальник главка. — Но нельзя скрывать от главка. Нарком вызвал нас, спрашивает об автомате, а мы хлопаем глазами. Куда это годится?

— Виновен, виновен, — удрученно кивая головой, согласился директор.

— Ладно, — произнес начальник главка. — Придется премировать виновников. Приготовьте их список. Тащите нас к автомату.

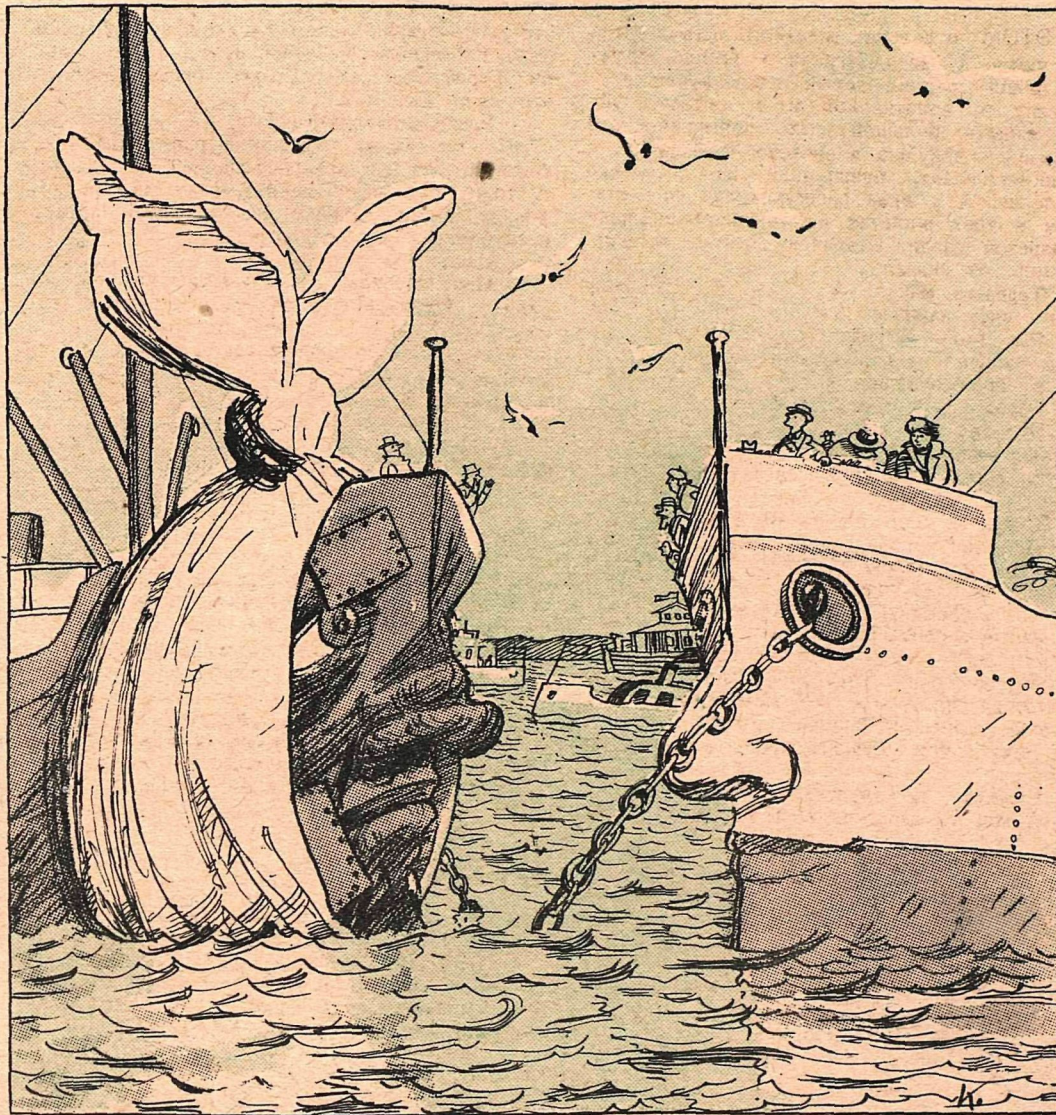
К процессии присоединился улыбающийся предзавкома.

— Беги вперед, — прошептал ему директор, — и прими меры, чтобы у автомата не оказался Чепрак.

— Ненужные опасения, — ответил предзавкома и громко возвестил: — Сегодня он опоздал на 30 минут.

— Вот так новость! — сказал директор и обернулся к гостям. — Инженер опоздал. Беда с недисциплинированным народом.

— Да, да — подтвердил предзавкома. — Вот его заявление. Возился, пишет, над усовершенствованием автомата.

— Капитан попался мне сердитый: в первый же рейс разбил мне нос вдребезги.

— А в действительности? — поинтересовался один из гостей.

— В действительности, — объяснил директор, — этот инженер и днем не работает... Мягкотел я: жалею, стремлюсь перевоспитывать...

Он послушавшись карандаш и во всю ширь чепраковского заявления написал: «Применить закон. Немедленно уволить прогульщика...»
Машину пустили в действие. Мгновенно завертели сотни колесиков, застучали молоточки, зазвенели пилы и начала выпрыгивать блестящая продукция.

— Чудесно! — в три голоса воскликнула комиссия.

— Восхитительно, товарищи, — начальник главка по очереди пожимал руки машинистроителям. — Благодарю всех потрудившихся товарищей.

— Тут перечислены энтузиасты, — директор подскокил и передал список.

— Превосходно. Ах, какая золотая машина! Какой ритм, какая согласованность движений! Кажется, что в ней сидит дирижер и управ...

Речь оборвалась: машина остановилась.

— Павел Петрович, — растерянно обратился к главинжу директор. — Что вы чешете затылок? Скорей наладьте автомат.

— Рад бы, — ответил главинж. — В этой сатане зарыто полторы тысячи механизированных собак. Я не успел их изучить.

Директор пригласил монтеров. Они просунули в автомат головы и быстро определили: цилиндр испортился. В нем давно сомневался товарищ Чепрак.

— Цилиндр, шляпа, колпак, — передразнивая, сказал директор. — Исправляйте немедленно.

— Его заменять надо, — сообщил старший монтер, — по тому чертежу, что сегодня в ночь

сработал товарищ Чепрак. Да что-то не видно ни чертежа, ни Чепрака.

— Наверно, заболел инженер, — предположил другой монтер. — Вчера он еле держался на ногах.

— Это не тот ли товарищ, что сегодня уволен? — спросил начальник главка и заглянул в «список энтузиастов». — Как фамилия? Чепрак? Почему-то в списке его нет. А?

Б. АГАРОВ

В юроте Энке

(Из записок районного поэта)

История дома

Сначала был он в корбузьёвом стиле,
И дом мы за квартал

с опаской обходили.

Глядели мы взволнованно и робко
На скучную

громадную коробку.

Но местный Корбузьё

был, наконец, сменен,

И классик

вырастил дремучий лес колонн,

Но скоро вновь назначили другого
Строителя к нам, —

в стиле рококовом.

Еще один был.

Этот коридор

Одел в солидный лабрадор

И в мрамор розовый

и черный.

И дом стоит.

Всем вкусам он покорный.

Все стили в нем.

Но нет... уборной.

Р. РОМАН

СРОДСТВО ДУШ

Поэт Лебедев-Кумач опубликовал в газете «Красная звезда» стихотворение:

«ПЕСНЯ О ПРИСЯГЕ»

Я родины славной защитник и воин,
Я сын трудового отца,
Клянусь и ручаюсь, что буду достоин
Высокого званья бойца.
Недаром народу давал я присягу
И родине всей присягал.
В бою отступить я не буду ни шагу
И грудью пойду на врага.
Я полон отваги, я крепок и молод,
И в бой я за правду иду...»

А поэт Иван Качалов написал:

«КЛЯТВА»

Я родины славной защитник и воин,
Я сын патриота-отца
Клянусь своей честью,
Что буду достоин
Высокого званья бойца.
Недаром народу давал я присягу
И родине всей присягал.
В бою отступить я не буду ни шагу
И грудью пойду на врага.
Я полон отваги, я крепок и молод
И в бой я за правду пойду...»

Как видите, сходство разительное. Вот только во времени небольшое расхождение: Лебедев-Кумач напечатал свое стихотворение в январе, а Качалов — 8 апреля. Да оно и понятно: уссурийскому поэту понадобилось время для того, чтобы прочитать, что написал поэт московский, и выдать за свое. Интересно, что об этом думает редактор газеты «Коммунар» (город Ворошилов, Уссурийского края) товарищ С. Изгарев, помещивший в своей газете стихотворение Ивана Качалова?

СТРОИТЕЛЬНАЯ ФАРМАКОПЕЯ

Мы отмечаем как ненужное и вредное первое утверждение работников вновь открытой на строительстве Тырны-Аузского комбината (Кабардино-Балкария) аптеки, что их обсчитали. Действительно ли двухмесячная плата за занимаемое аптекой помещение должна составлять 51 р. 18 коп., а не 603 р. 14 коп., как

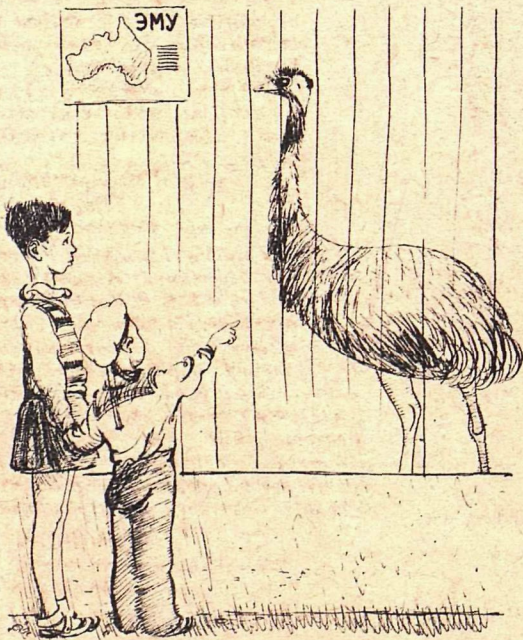

Рис. К. Ротова

— Ира, а это что — эму один?..

значится в счете, предъявленном комбинатом? Мы не знаем.

Мы отмечаем как ненужное и вредное и второе утверждение работников аптеки, что их обокрали. Действительно ли медикаменты на сумму 354 руб., конфискованные у аптеки руководителями Тырны-Аузстроя в счет покрытия задолженности, являются остро необходимыми и дефицитными на стройке? Мы не знаем.

Наоборот, мы полагаем, что, если руководители комбината и пошли на эту комбинацию, то они, видимо, преследовали совсем другую цель, а именно: среди злополучных порошков, настоек, пилюль и капель они наделись найти лекарство, которое вылечит их от очень опасной болезни: идиотизмус-головотяпус. А признаки такого заболевания несомненны. Это утверждение мы не отмечаем. Наоборот, его мы принимаем целиком и полностью.

СТРОГИЙ НАЧАЛЬНИК

Этот строгий товарищ работает в городе Пензе. Он возглавляет там проектное бюро на строительстве завода имени Фрунзе. Его фамилия — Колосов. Это он издал приказ:

«За нарушение распоряжения по УКСУ о трудовой дисциплине, выразившееся в уходе с работы 28/IV—39 г. секретаря т. Никитиной по делам службы, объявляю выговор и предупреждаю всех сотрудников проектного бюро, что при установлении подобных фактов будут наложены взыскания.»

КОЛОСОВ

Объявить всем под расписку».

Ушла по делам службы — выговор!.. Вот какой строгий!.. Наверное, скоро Колосов будет издавать и такие распоряжения: «Сотрудника имя рек за то, что этот последний вчера проработал 8 часов кряду на пользу вверенного ему дела, подвергаю аресту на неделю».

РАЗГОН ДЫМА И ПРОЧЕЕ

Вот как строят в г. Чарджуе на 5 участке строительно-монтажного треста Наркомместпрома Туркменской республики.

НАРЯД

Чернорабочему Ашарашкину

1. Произведен разгон дыма в помещении кипятки во время обеденного перерыва — неурочное время с тщательным проветриванием для создания лучшего удобства и уюта обогревающимся рабочим приходящим на производство легкой одежды — 39, 20 часов.

2. Произведено отыскивание по стройплощадке спрятавшихся от работы членов своей бригады с тщательным просмотром всех уголков, кипятки, конторы склада, карьера песка, столярной мастерской и других подозрительных для людей мест затрачено время 4 часов — 148,00 часов.

Задание выдал прораб ГУРЕЕВ
Десятник ИВАНОВ»

ЛЕВАЯ — ПРАВАЯ...

Перед нами два документа.

1

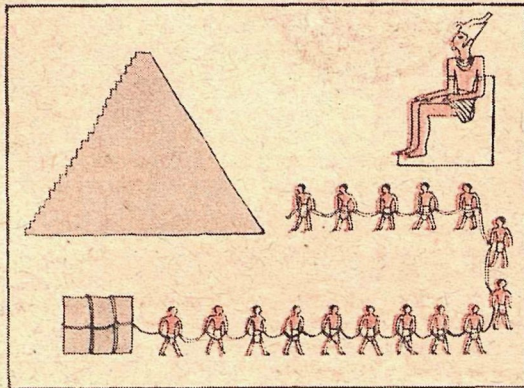
«Гр. Эпштейн начал работу в Могизе в 1929 г... В магазине № 16 гр. Эпштейн занимал должность зав. отделом пропаганды, за время своей работы на этой должности ничем не проявил себя как в организаторских, так и организационных вопросах. Будучи председателем местного комитета, мало работал, к работе относился формально».

2

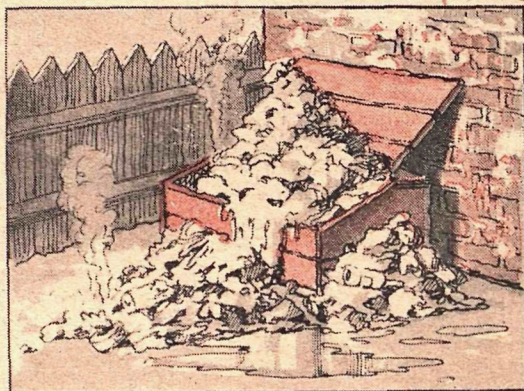
«Тов. Эпштейн... последнюю работу выполнял в магазине № 16 в должности заведующего отделом пропаганды, с порученной работой справлялся. За проведение отдельных кампаний (выборной и

НЕ ТЕ ТЕМПЫ

Рис. М. Храпковского

Памятники египетским фараонам строились десятки лет.

А памятник управдому воздвигают в один месяц.

т. д.) был неоднократно премирован и имел благодарность.

По линии общественности был председателем местного комитета и является членом обкома союза книжных работников».

Первый документ датирован 10 марта 1939 года и подписан управляющим Могиза Кудрявцевым.

Второй документ датирован 17 марта 1939 года и подписан управляющим Могиза Кудрявцевым.

Какой из двух Кудрявцевых прав, — мы устанавливать не собираемся. Однако выражаем глубокое соболезнование левой руке тов. Кудрявцева, которая, очевидно, мало ведает, что творит ее родственница — правая рука тов. Кудрявцева.

А все-таки любопытно было бы узнать, почему руки Кудрявцева действуют так несогласованно?

ВОСТОРГ Н. ВОРОНЦОВА

Бойкое перо у Н. Воронцова, сотрудника «Ярцевского ударника» (орган Ярцевского РК ВКП(б) и райисполкома, Смоленской области). Его очерк о телятнице Евфимии Аверчевой, напечатанный 1 мая 1939 года, блистает и искрится как искусно отшлифованный бриллиант.

Н. Воронцов живописует, как чуткая телятница «знала его (теленка) прихоти и потребности и всегда удовлетворяла их». Он преклоняется перед этой воспитательницей прихотливых телят: «... и в каждом молодом животном Евфимия Тимофеевна находит отпечаток своего труда, своей деятельности». Н. Воронцов, к сожалению, умалчивает, каковы эти самые «отпечатки». Впрочем, некоторую разгадку этого темного места дает следующий абзац очерка: «Отраднее всего были для нее дни, когда телята выражали восторг, когда из телячьих глаз искрились серебристые огоньки».

Замечательные телята! Их телячий восторг вполне сходен с тем, в который пришел Н. Воронцов, описывая телят.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Я красноармеец. В этом году я заканчиваю службу и хочу поехать на работу на Камчатку. По специальности я техник-радиотехник с восьмилетним стажем. Об этом своем желании написал я в вербовочное бюро Акционерного Камчатского общества во Владивостоке. Оттуда мне сообщили: «Обратитесь в Москву, в наше представительство». Пишу в Москву, а мне отвечают: «Не по назначению адресуется. Пишите во Владивосток». Я во Владивосток, а оттуда категорическое: «Мы найдем специалистов не занимаемся. Мы вам уже сообщили, чтобы вы обратились в Москву».

Сколько времени собираются камчатские работники в Москве и Владивостоке играть со мной в «бумажный футбол», неизвестно.

И. ПЕРЕВАЛОВ

Дорогой Крокодил!

Может ли народный судья безнаказанно опаздывать на судебные заседания? Ты скажешь, что закон о борьбе с прогулами писан для всех, без исключения. Увы, ты ошибаешься! Когда Наркомюсту Белоруссии тов. Лодысеву сообщили о том, что народный судья 1-го участка Оршанского района Грайфер систематически опаздывает на заседания и на прием посетителей, Лодысев ответил, что, по приказу Наркомюста Союза, судьи не обязаны регистрировать свой приход на работу.

Возможно, тов. Лодысев попытается сослаться на Булановского из «Невинных рассказов» Щедрина, который считал, что законы «в своем роде тоже представляют величественное здание, но, с другой стороны, бывает случай, когда они говорить не могут».

Судя по разъяснению тов. Лодысева, надо полагать, что он с мнением Булановского не только знаком, но и разделяет оное.

П. ШАРАФАНОВИЧ

Минск.

Дорогой Крокодил!

За время своего существования туристско-экскурсионное Управление ВЦСПС (ТЭУ) неоднократно покушалось на незабываемые основы доверенной ему географии. Директор ТЭУ тов. Бондарь и заведующий отделом пропаганды тов. Ступина в очередном директивном письме, тихо игнорируя Гималайскую горную систему, объявили вершины Кавказа и Алтая, не достигающие даже 6000 метров, «высочайшими в мире». Там же в полном противоречии с утвержденным

Наркомпросом для средних школ учебником географии Баранского они самовольно повысили протяженность границ Советского Союза на 9000 км. (при одновременном сокращении водных границ на 4000 км.)

Не довольствуясь географической безграмотностью, ТЭУ проявляет махровое невежество в общественно-политических вопросах, именуя умершего в XIX веке украинского поэта «тов. Шевченко».

В довершение всех бед славные руководители ТЭУ умудрились (в том же директивном письме) переправить текст популярнейшей «Песни о родине», написав:

«Человек проходит как хозяин По счастливой родине своей».

Дорогой Крокодил! Организуй семинар для директора ТЭУ тов. Бондаря! Прошу тебя об этом от имени всех туристов Союза.

Ю. БРУСЛОВ,
альпинист 1-й ступени

Дорогой Крокодил!

Внезапно обнаружили мы больших любителей игры слов на станкостроительном заводе имени Ворошилова в городе Минске. Персонально ответственный исполнитель завода по заказам тов. Иоффе оказался склонным к этой самой игре слов. Тов. Иоффе играет двумя понятиями: «накладные расходы» и «накладно». Скажем точнее: тов. Иоффе считает, что смысл накладных расходов в том, чтобы было накладно. Поэтому, например, тов. Иоффе составляет такую калькуляцию для ремонта коленчатого вала одной из мельниц:

«Работа и материал — 700 рублей».

Накладные расходы — 2495 рублей».

Это так похоже на игру, что всерьез принимать этого не хочется. И действительно, заказчики отказались от накладных накладных расходов. А мы со своей стороны выдвигаем еще одну игру слов: «безответственный ответственный исполнитель Иоффе». Наша игра слов, пожалуй, лучше: соответствует действительности.

Л. ПЕРЕПЕЧИН,
начальник производственно-технического отдела облместпрома. Минск.

Дорогой Крокодил!

Как известно из истории, герцог тосканский Лоренцо Великолепный был великим любителем и знатоком искусств. Именно при нем искусство расцвело во Франции с необыкновенной силой. Можно ожидать, что для Свердловского района Москвы начинается та же светлая эра: именно в Свердловском районе, точнее в райфо, обнаружилось великие знатоки и покровители искусства. Мы имеем в виду заместителя заведующего райфо Брагина и старшего инспектора Преображенского.

Это они, Брагин и Преображенский, в своем письме к директору Московской госфилармонии от 23 марта сего года написали:

«...В случае сомнения, относится ли данный концерт к симфоническим или камерным, выяснять этот вопрос с райфо заранее, с представлением программ для просмотра».

Как видите, великие знатоки искусства сидят в райфо. Эти зна-

токи полагают, что если даже в Филармонии возникнет сомнение, каков будет концерт, то они-то, безусловно, немедленно все разрешат.

Шлем наш привет Лоренцам Великолепным из райфо!

М. КОСТИНА.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Уважаемый С. А. Коссигов, председатель нашего райсполкома, облек сельскую интеллигенцию высоким доверием: на случай-де возможных летом пожаров он обязал всех служащих района поочередно сторожить по ночам село и охранять покой населения. Сделано это им в припадке сверхбдительности: в Богородском есть пожарное депо, милиция, имеются сторожа, дежурные во всех учреждениях и т. д. и т. п.

Не находишь ли ты, дорогой Крокодил, что в Богородском нужна в первую очередь другая охрана: охрана сельской интеллигенции от произвола Коссикова?

М. ЕВСЕЕВА,

директор межрайонной колхозной школы.

Богородский район,
Кировской области

Дорогой Крокодил!

Это из характеристики инженера Сударкина:

«...Если не считать со стилистикой слога, то надо прямо сказать, что т. Сударкин является именно реальным и рентабельным инженером, на которого можно поручиться и на которого можно рассчитывать в безукоризненном выполнении возложенных на него оперативных поручений».

В среде работников Грузвзрывпрома пользуется должным авторитетом и уважением.

Директор Грузвзрывпрома Бирюков.

Парторг Каулашвили».

Так, Сударкин пользуется авторитетом и уважением. А знаете ли, товарищи Бирюков и Каулашвили, этому авторитету и уважению сильно помогает то обстоятельство, что Сударкин, вероятно, считается и со «стилистикой слога» и не приписывает людям эпитетов вроде «рентабельный» или «реальный». Это много значит! И об этом я и прошу тебя, дорогой Крокодил, передать Бирюкову и Каулашвили.

И. ПОПОВ,

начальник отдела кадров треста «Союзвзрывпром».

Москва.

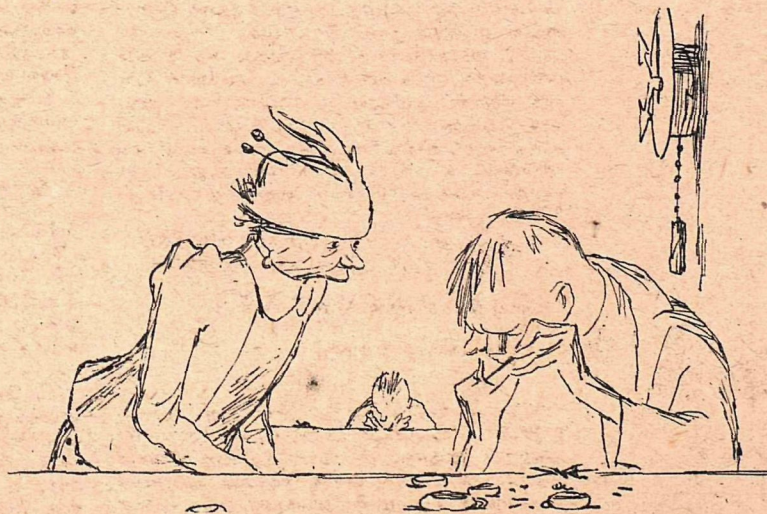

Рис. Л. Сойфертиса

— Почините мне маятник.
— А где же часы?
— Часы шли хорошо, а вот маятник остановился.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, Изд. № 519

Сдача текста и рисунков 15/V 1939 г.

Подп. к печати 21/V 1939 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—10852. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ №1569. Тираж 275 000 экз.

НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Рис. П. Бродаты

55

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР

27 МАЯ

Б-во. Кн. Печатн. Изд-ва

★	Период и серия	«Лет оценки»	«Журн. лет»
Получ. в ред.	22/9		
Сдан в архив	22/12	15/12	

— Почему правительство Германии отказалось участвовать в выставке?
 — Потому что это выставка „Завтрашнего дня“.